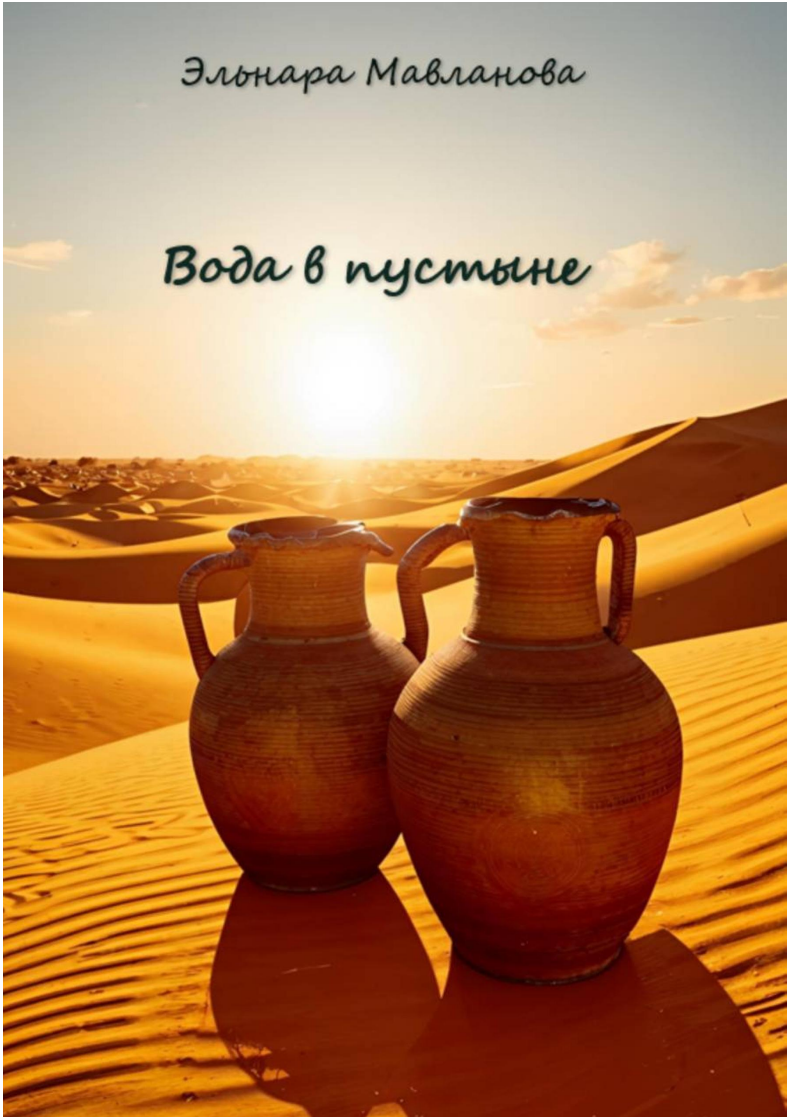
Эльнара Мавланова

Вода в пустыне



Эльнара Мавланова

Вода в пустыне

https://litres.ru/74954758
SelfPub; 2026

Аннотация

Юная девушка сбегает из дома, чтобы избежать нежеланного брака, и находит любовь среди раскаленных песков. Но сколько продлится это украденное у судьбы счастье? Выбрала бы она побег, если бы знала, какую цену придется заплатить за право любить в этих суровых краях?

Рассказ дополнен авторскими стихами и атмосферными иллюстрациями.

Содержание

I 4
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Вода в пустыне

I

В одном из переулков душного города было обнаружено тело юноши. В длинном, похожем на коридор закоулке, куда не проникал солнечный свет, так как сверху была надстройка с чьим-то жилищем, его заметили не сразу. В закоулок давно никто не заходил, хотя вёл он к какой-то двери, которой, по всей видимости, уже долгое время никто не пользовался. Со склонившейся набок головой юноша напоминал уснувшего бездомного. О преступном деянии, однако, говорило впитавшееся в ткань бурое пятно, неестественно растекшееся по его одежде. На вид юноше было не больше семнадцати. Никто из горожан опознать его не смог…

Солнце пекло. Телега двигалась медленно, то и дело увязая в песке. До города было далеко, но торопиться было некуда. Глаза по привычке очерчивали ровную линию горизонта и пытались уловить, в какой момент ты пересёк его видимую часть и оказался по другую сторону. По приближении к городу с его неизменными шумными лавками и суетливо-торопливыми горожанами черта горизонта более не убегала, а, наоборот, небольшой опушкой вырастающего из-под земли города разрывалась на правую и левую стороны. Опушка эта росла с каждым шагом, всё более выдвигаясь

на передний план и заслоняя собой горизонт, и на гипнотически верном расстоянии завладевала умами прибывающих. Такие шествия телег были здесь делом привычным — городок был единственным пунктом провизии на многие километры. Прибывающими в этот раз были несколько братьев и их младшая сестра. Дорога пролегала долгими дюнами и барханами, пока, наконец, не привела их к месту назначения.

Город этот, название которого позабыто давно, уже издалека манил путешественников разнобоем живой музыки местных виртуозов, призывно соревнующихся с местной же стихией за их внимание. И каждый раз выигрывая у неё крупицы душевного веселья, в моменты особенно удавшихся мелодий, и музыканты, и их слушатели нанизывают их, как бусины, на тонкие нити уходящих в небытие дней. Заполучив гостя и влив ему в уши веселье и вольготность, город далее занимает его глаза. Всплеск красок безудержно растекался по лабиринтам базарных улиц и для приходящих после постного пустынного пейзажа был подобен пиру с устланными яствами столами. Здесь можно было найти всё. Всё, о чём думалось, и даже то, о чём не думалось никогда. И вот ходит народ промеж рядов и дивится: «Как же я жил без этой утвари? И без этой безделицы?» или «Как же жизнь будет приятнее, купи я эту диковину!» и так далее. Наевшись глазами и ушами всякой всячины, устремляется народ на поиски хлеба настоящего. Тут всё зависит от вкуса владельца этой потребности. Из множества блюд предпочтение зачастую от-

даётся какой-нибудь новизне. Однако распробовав её и не всегда оставаясь довольным — но не признаваясь в этом даже самому себе, — человек собирается в обратный путь, в решимости одолеть сей буйный лавочный мир в следующий раз, будучи уже в полной готовности и наученный опытом.

Однако город живёт своими уловками — новинками разного толка, и без них утратил бы своё существование. На том и стоит. Он досыта кормит и поит тщеславие своих старых и новых посетителей, пока те не обзаведутся грозным оружием, противником любой торговли — чувством самодостаточности.

Теперь же вернёмся к нашим героям. Пока мы рассматривали городской люд, они уже купили всё для себя необходимое и двинулись в обратный путь. Догоним же их, рассмот-

рим хорошенечко и расскажем о них что знаем.

Итак, среди путников было несколько братьев и их младшая сестра. Каждый из них размышлял о своём. Измышления мужской половины этого семейства были хищническими и не вызвали бы никакого удивления у людей, их знающих, так как слыли они большими негодяями. Люди в округе предпочитали не иметь с ними дел и даже скрывали, ради собственной сохранности, свою осведомленность об их деяниях. И, как водится среди многих других негодяев, эти видели в своих разбоях исключительность и даже могли обосновать их с точки зрения правомерности их осуществления, если не по моральным нормам с установленными в обществе мерами дозволенного, то хотя бы по нормам природно-биологическим, где «выживает сильнейший» и «человек человеку – волк», или даже по некоторым «божьим», где право перед другими даётся самому богобоязненному рабу самой богобоязненной конфессии. Они могли трактовать в свою пользу что угодно и как угодно — так они были хитры и коварны. Но чаще всего почвой оправдания служила бедная почва под ногами. На ней ничего не росло, поэтому плоды приходилось пожинать противными созиданию уловками. Впрочем, оправдания они себе не искали, а нашли, пожалуй, по достижении мастерства лишь своё предназначение.

Подобно цветку на колючем кустарнике росла сестра свирепых братьев. Звали её Руфиной. Вопреки суровой жизни и нраву своих родственников, она росла добросердечной и

приветливой. В их небольшом поселении, протянувшемся всего на несколько десятков домов, не было ни единой созвучной ей души. Здешние люди были серые и безликие и воспринимались Руфиной как часть унылого пейзажа, словно бесцветность его проникла в них, и теперь они имели сходство больше с камнем, чем с человеком.

Жизнь девушки была скучна и однообразна. С самого детства от неё требовалось только что-то принести, подать, унести, убрать и понятливо, умело и вовремя скрыться в глубине комнат, как если бы её и не было никогда, чтобы позже вовремя и так же понятливо появиться и подать, убрать, принести… Одним словом, жила она на подхвате. Подобное физическое разделение семейства напрочь отрезало их и духовно. Живя на одной земле и в одно время и будучи звеньями одной генетической цепи, они, тем не менее, были людьми разных миров и эпох, между ними было множество миль и тысячелетий.

Руфина не знала, чем промышляют её братья. Происходящее вокруг её мало интересовало — она не ощущала себя её частью. Окружающий мир существовал отдельно от неё. Вместо него её молодой ум вдохнул новую жизнь в бестолковую действительность. Поразительно, как скука обнажает душу человека. Дайте человеку скуку, и он покажет вам, каков он есть. Когда вокруг нет ничего, он стремится создать то, чего ему так недостаёт. Так, братья полезли в драку, а Руфина начала рисовать. Рисовать картины, которые никто не

видел, но и не мог отнять. Как-то в порыве юного восторга она имела неосторожность посвятить своих братьев в свой художественный мир, но в праве обладать им ей было отказано. И она научилась прятать его от всех, одновременно защищая свой невидимый мир и спасаясь в нём.

Поскольку земле нечего было предложить Руфине, её мечтательный взор обратился к небу. Она любила воображать, что живёт на облаках. Эти белые пушистые эфиры беспристрастно плыли по голубому небу, увлекая её вдаль. Она не могла отказаться от такого путешествия и каждый раз ждала свои корабли.

Вот одно из облаков, наиболее кучерявое, имело подобие некоей комнаты, в которой она проведёт сегодняшний день. Выглядывая из его мягких окон, она видела не опостылевшее полотно из сухого песка и бездушных переулков — ей открывался вид на зелёные луга и дубравы с доносившимся оттуда щебетом птиц; там были поляны ярких цветов, превращающихся в рой бабочек от лёгкого дуновения ветерка и взмывающих в воздух, рисуя невероятные калейдоскопы узоров; видела звенящие водопады с тонкой дымкой росы, отбрасываемой тяжелой водой и дарящей ей прохладу. Руфине никогда не доводилось бывать в настоящем лесу или хотя бы издали наблюдать его. Пейзаж окрестностей был бесцветным от песка, докуда доходил глаз. Все эти образы рождались в голове от увиденных в городе причудливых птиц, в чьих оперениях было что-то диковинное, из мест далёких, а

их дивное, изумительное пение слагало оды утраченным свободам. В её мире они вновь были свободны. И цветочные полотна, бескрайними рядами тянувшиеся вдоль стен, образуя замысловатые ковровые лабиринты базарного городка, оживали в её воображении зрелищными пейзажами. Вот и в этот раз, надивившись чудесам в лавках торговцев, привезла Руфина с собой новых птиц и новые грёзы.

Когда корабли были скудны (что приводило её в огорчение), Руфина провожала их глазами, уносимая мыслями в непознанные дали, в которых время замедляется и мысль сонастраивается с ним, как если бы они слились в танце.

— Эй! — окликнул её кто-то.

Руфина сорвалась с неба и рухнула на землю. Это был один из её братьев. Они уже прибыли домой и жизнь потекла обычным руслом.

— Накрой на стол! — приказал он ей. — И поживей!

В комнате собрались люди, которых раньше Руфина не видела. По обыкновению она не придала бы этому значения, стараясь лишь не встречаться взглядами с гостями, если бы не вызывающе гнетущая атмосфера, которая заставила-таки её интуитивно вжать голову в плечи и исподлобья взглянуть на обстановку вокруг. Присутствующие громко разговаривали или бранились и спорили — понять на самом деле было сложно. Руфина быстро накрыла на стол и скрылась в своей комнате.

Прошло несколько часов, начало темнеть, и уже хотелось

спать, но шум по-прежнему доносился из тех комнат. Слышны были страшные слова и крики, плач, угрозы, снова крики. Был даже слышен говор другого языка. Из любопытства Руфина приоткрыла дверь и прислушалась, но незнакомый язык не дал ей разобрать что-либо.

Шли часы. Атмосфера не разряжалась. Весь этот круговорот криков, угроз и плача сопровождался взрывами грубого смеха, от которого холодело внутри. Что-то зловещее происходило за стеной, а ей некуда было деться. Она вдруг отчётливо поняла, насколько она одинока, поняла, что эти стены — это всё, что отделяло её от того ужаса, который мог в любой миг ворваться в комнату, и ей неизвестно было ни одной причины, почему он должен был её пощадить. Поняла, что её братья, такие широкоплечие и воинственные, были лишь иллюзорной защитой — никому из них и в голову не пришла мысль постараться оградить её от событий, парализовавших её сейчас, и даже наоборот — они привели это зло на порог.

— Хоть бы они не вспомнили обо мне, — молила она.

Наконец, шум из дома перенесся наружу — они вышли во двор. Во дворе раздался громкий хлопок. Руфина вздрогнула. За ним последовал истошный дикий возглас вперемешку с паническим плачем — и снова хлопок. Затем весь этот гвалт унесся в ночь, прочь от стен дома.

В доме воцарилась тишина. Руфина прислушалась. Что-то ритмично стучало в такт её страху — бум, бум, бум. Это тяжело билось её сердце, отдавая в голову барабанным

эхом. Не доверяя тишине, оглушенная биением собственного сердца, Руфина еще долго прислушивалась — кончилось ли всё это или ей только кажется?

Но опасность отступила, и страх сменился дрожью. Не в силах совладать с напряжением в теле, она внезапно затряслась, и по щекам полились слёзы. Она сделала над собой усилие, чтобы встать и подойти к двери, но ноги её не слушались и обмякли; к горлу подступила тошнота, и она не смогла её сдержать. Сделав лишь несколько шагов, она вернулась в кровать.

Просидев так ещё неизвестно сколько, пытаясь прийти в себя и даже немного успокоившись, Руфина, тем не менее, не решалась покинуть комнату. Это был бы конец её иллюзиям. Пока она здесь – всё в порядке. Пока она не видит того, что там, — ничего из того, что случилось, просто нет. Но в глубине души она была уверена, что произошло что-то страшное, непоправимое, и, как бы она ни пыталась прибегнуть к самообману, у неё это плохо получалось. Потом она вспомнит ещё кое-что из сегодняшних событий. Сейчас случилось слишком большое потрясение, и оно вытеснило это воспоминание, но потом она непременно к нему вернётся. Мысли приходили одна за другой, пока самая вкрадчивая из них не свела её обессиленное тело в сон.

Ночь бесшумно лежала над пустыней. Пробираясь почти на ощупь сквозь густой туман на белеющий вдалеке свет, Руфина слышит где-то над головой клич ворона — спутни-

ка одиночества и опустелой земли. Острые камни, как битое стекло, врезались в кожу и делали мучительным ожидание следующего шага. Продвигаясь дальше, она узнавала эту местность — это была её земля, но она будто здесь впервые. А за туманом, вокруг неё, та самая дубрава из её грёз, но её не разглядеть. Руфина только чувствовала её. «Ещё немного, — думает она, — и я дойду». Но, простирая вперёд руку, она видит, что нисколько не продвинулась. Свет не становился ближе. Несмотря на это, она шла вперёд, ведь нельзя же оставаться здесь, в сыром тумане, на голых камнях…

…Веки защурились от интенсивно направленного света. Руфина открыла глаза — один из братьев навёл ей прямо в глаза луч света, отражённый от небольшого зеркальца.

— Пора вставать уже. Хватит спать. — Было его приветствие.

Она вышла во двор для выполнения рутинных домашних дел. Был уже полдень. Голова болела. Двор был тот же, но всё же другой. Вчерашняя история, не оставив никаких внешних проявлений, намертво изменила его в её восприятии.

— Вчера ты понравилась одному нашему хорошему другу. Готовься к свадьбе, ты выходишь замуж, — ошеломил её брат.

— За кого? — слабо надеясь, что это шутка, спросила Руфина.

— Какая тебе разница? — Был ответ.

А потом ещё:

— Что, не терпится? — ухмыльнулся другой братец. Его поддержали остальные.

На плечах у Руфины вместо головы повис камень. Все муки души и тела прошлого вечера вернулись на свои места. «Всё-таки вспомнили», — пронеслось в голове. К этому времени, выполняя домашние дела, Руфина приступила к замешиванию теста для хлеба, и невольная слеза скатилась прямо в тесто. Слеза длиной в тысячелетия. Сколько таких слёз уже было съедено… Затем исчезли все звуки, кроме одного — пронзительного звона в голове, и Руфина упала без чувств.

Очнувшись, Руфина никого не обнаружила рядом. Она была одна в своей комнате, на кровати, но в доме были другие люди — она слышала их присутствие. Бессознательный глубокий сон придал ей сил. Она думала быстро и уже знала, что делать. Открыв окно, она перелезла во двор и, никем не замеченная, покинула отчий дом.

Так Руфина бежала. Бежала от жизни, в которой не могла существовать, туда, где жизнь была невозможна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.